

Владимир Францевич Эрн

Григорий Саввич Сковорода

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
381

Э81 **Эрн В.**
Григорий Саввич Сковорода / Владимир Францевич Эрн – М.: Книга по Требованию, 2024. –
360 с.

ISBN 978-5-521-39291-9

ISBN 978-5-521-39291-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОНИТАМЪ ИСТИННЫМЪ ДУХОВНЫМЪ БОГОУТОМЪ, ПЛЮСОВАТЬ МУДОМЪ И ЖИЗНЮ МУДРЕЦЪ,
ИМЕНУЕТЪ ПРОСТОТЪ, И ОУГЛУШАЕТЪ СЛОВОМЪ; БЫВАЮЩИ ДРУГЪ ПРАМОУ ДОМОУ ВЪ СЪВѢДѢ
ОСТАТЪ ПЛЮСОВАТЬ НАУКУ, ПОЗНАВШИ ДУХЪ ПРИРОДЫ ДОБРОЙШЕ ДА СЕДѢТЬ ПРИМѢРЪ СЪМОНУ.

Содержание и характеристика документов, относящихся к истории культуры и искусства, в том числе к истории архитектуры, живописи, скульптуры, музыки, литературы, театра, кино, фотографии, искусствах декоративно-прикладного искусства, а также к истории культуры и искусства в целом.

Глубокоуважаемому
Григорію Алексѣевичу
Загинскому
съ любовью посвящаетъ
авторъ.

Глубокоуважаемому
Григорію Алексѣевичу
Рагинскому
съ любовью посвящаетъ
авторъ.

Основной характеръ русской философской мысли и методъ ея изученія.

Тому, кто захотѣлъ бы написать исторію русской философской мысли, придется побѣждать не мало трудностей.

Трудности эти двоякаго рода: общественно-психологическія и философско-методологическія.

Типъ 'скитальца, чуждаго родной странѣ, до сихъ поръ живъ въ нашей крови. Въ огромной массѣ русской интеллигенціи, поставляющей рядовыхъ работниковъ журналистики, науки и культуры вообще (а рядовое всегда количественно преобладаетъ), живетъ постоянная, неискоренимая подозрительность ко всему своему. Духовѣковское ученичество у Запада создало особую, глубоко залегшую складку въ нашей общественной психологii. Мы заранее, такъ сказать апріорно, до всякаго фактическаго изслѣдованія, *склонны* отдавать предпочтеніе всему, что не наше, преклоняться передъ чужимъ, восхищаться и увлекаться всѣмъ пришедшимъ издалека. У насъ не хватаетъ вниманія къ нѣжнымъ, оригинальнымъ и обильнымъ всходамъ нашей собственной культуры, и можно смѣло сказать, нѣтъ другой культурной націи въ мірѣ, которая бы такъ мало сознавала

свои духовныя богатства, такъ мало цѣнила возможности, ей предстоящія, какъ Россія.)

Русская философская мысль имѣетъ не только гениальныхъ и глубоко талантливыхъ представителей, она въ корнѣ, въ основной тенденціи своей *существенно* оригинальна. Въ цѣломъ міровой философіи, русская мысль занимаетъ особое мѣсто, свойственное ей, какъ явленію *suí generis*, какъ созданію *творческаго* духа. Но мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одной книги по исторіи русской философіи и очень мало изслѣдованій и даже статей, посвященныхъ отдѣльнымъ русскимъ мыслителямъ. Для многихъ самое соединеніе словъ „русская философія“ кажется страннымъ, потому что они никогда не слыхали, что въ Россіи болѣе столѣтія существуетъ оригинальная философская мысль. Изъ всѣхъ русскихъ мыслителей посчастливилось больше всего Соловьеву. О немъ кое что знаютъ въ широкой публикѣ; о немъ написано не мало хорошихъ статей; но и ему не посвящено ни одной монографіи, въ которой его многогранный гений получилъ бы цѣлостное освѣщеніе, неискаженное случайностью точки зрѣнія. Нужно ли говорить, что положеніе такое ненормально? Нужно ли говорить, что пренебреженіе къ своему прошлому и настоящему, основанное на незнаніи и невѣжествѣ, есть одна изъ самыхъ печальныхъ чертъ нашей общественной психологіи?

Кто хочетъ возстать противъ традиціи малодушнаго само-пренебреженія и систематическаго само-забвенія, тотъ встрѣтитъ неизбежное равнодушіе и неизбежное невниманіе. Въ этомъ невниманіи, заранѣе чувствуемомъ,

заранѣе предусматриваемомъ, и состоитъ общественно-психологическая трудность быть историкомъ русской философской мысли. Но трудность эта болѣе или менѣе легко побѣдима. Предразсудки *не должны* приниматься въ расчетъ. Стѣсняя лишь внѣшнимъ образомъ, они не могутъ воздѣйствовать на *внутреннюю свободу изслѣдованія*, которое идетъ своими путями въ полной независимости какъ отъ общественной атмосферы, такъ и возможнаго равнодушія и невниманія.

Гораздо серьезнѣе трудность вторая: *философско-методологическая*.

Какимъ методомъ пользоваться? Какую общую точку зрѣнія положить въ основу изслѣдованія?

Исторія общая не имѣетъ своей методологiи. Ее только хотятъ или хотѣли бы имѣть и нѣтъ до сихъ поръ ни одной философіи, которая бы осмыслила и сдѣлала возможной ту *теорію историческаго познанія*, которой безсознательно пользуются всѣ историки и осознать которую не могутъ до сихъ поръ ни историки, ни философы. Теорія познанія Канта, несмотря на всю противорѣчивость свою царящая въ современной философіи, является грандіозной попыткой философскаго обоснованія *естественно-научнаго познанія*. Проблему же историческаго познанія она игнорируетъ и не можетъ не игнорировать, ибо съ точки зрѣнія кантовской философіи историческое познаніе по существу невозможно. Познаніе естественно-научное есть для Канта продуктъ приложенія общихъ категорій и правилъ разсудка къ сырому матеріалу *ощущенія*. Что соответствуетъ этому въ историческомъ познаніи? Какой сырой матеріаль *ощущеній*

Можетъ быть констатированъ нами въ нашихъ представленіяхъ о Цезарѣ или Рамзесѣ Великомъ? Примѣненіемъ какихъ общихъ категорій мы можемъ придти къ познанію неповторимой и единственной, неданной намъ ни въ какомъ теперешнемъ нашемъ опытѣ, личности Петра Великаго или Сократа и Франциска Ассизскаго? Или познаніе это невозможно (но оно вѣдь есть, въ такомъ же смыслѣ какъ есть естественно-научное познаніе), или же возможность его обоснованія должна быть связана съ философіей, принципиально отличной отъ философій Канта. Виндельбандъ и за нимъ Риккертъ подходятъ къ этой проблемѣ, оставаясь въ узкихъ предѣлахъ теоріи познанія Канта. Вотъ отчего весь результатъ ихъ рассужденій сводится къ *формулировкѣ* различія между науками номотетическими и науками идіографическими, но они не даютъ и по общему смыслу своихъ воззрѣній не въ силахъ дать *положительнаго обоснованія* философской возможности идіографическаго, т.-е. историческаго познанія.

Въ мою задачу сейчасъ не входитъ развивать свои взгляды на теорію историческаго познанія. Сказаннымъ я лишь отмѣчаю, что до сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь разработанной теоріи историческаго познанія. А такъ какъ сознательная методологія, строго соответствующая духу и своеобразію исторической науки, можетъ вырасти лишь на почвѣ уже созданной теоріи историческаго познанія, то въ изслѣдованіи характера и значенія русской философской мысли нельзя руководиться какой-нибудь готовой методологіей. Химикъ или физикъ, приступая къ какому-нибудь частному анализу,